

своего слова» — ч. I, стр. 130), знателю<sup>9</sup> («много таких вещей в физике, которые незнающему народу чародейством покажутся, а оные прямому естеству <природы> знателю ни мало чудны не будут» — ч. II, стр. 99), помешателей («но много было помешателей, которые так же, как и он, того чина домогались» — ч. III, стр. 37), любителя — в значении «обожателя» («вознамерился он туда идти убить любителя, а после пронзить сердце негодной своей любовницы» — ч. III, стр. 42).

Конечно, при отсутствии специального словаря русского языка XVIII века трудно судить, какие слова являются плодом творчества самого Елагина и какие были тогда в обращении. Однако, исследуя язык первых четырех частей романа, переведенных Елагиным, мы нашли свыше ста слов, изменивших в настоящее время свое значение или вовсе вышедших из обихода, например: «Предприятие твое важно, продолжал я постоянным <уверенным> голосом» (ч. I, стр. 151; ч. III, стр. 35, 60; ч. IV, стр. 35, 65); «Мы сидели спокойно, как нечаянное вступление <явление> глаза наши на себя обратило» (ч. IV, стр. 91).

Впрочем, язык Елагина не отличается однородностью или преобладанием архаических черт: особенностью его является одновременное употребление как устаревших уже для той эпохи славянизмов (лексических и синтаксических), так и выражений, оборотов живой разговорной речи, вплоть до просторечных форм. Такая неровность слога, вероятно, и была целью, совершенно сознательно поставленной Елагиным перед собой как писателем.

Ему не под силу еще было добиться органического слияния различных слоев речевого потока, составляющих литературный язык, но тяга его к смелому введению в литературный оборот экспрессивных, живых форм устной речи была новаторством и свидетельствовала об осознанном стремлении к расширению основ русского литературного языка не только в «низких» жанрах, как то допускалось «наставлениями» Ломоносова, но и в области печатной литературной прозы, делавшей на русской почве свои первые шаги.

Это звучание устной, разговорной речи и придает елагинскому стилю рассказа «текучесть», т. е. плавность, непринужденность, которая так привлекала одних и возмущала других, враждебно настроенных к нему писателей.

Приведем примеры, отражающие попытки Елагина расцветить свой язык элементами живой речи, тяготеющей к просторечному слою.

<sup>9</sup> Это слово значится в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова (М., 1704, стр. 125об.).